Февральская революция

К. Новицкий

Издательство
„Пролетарий“

Я. Леус

К. П. НОВИЦКИЙ (К. ПЕТРОВИН)

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“
1926

2-ой экз.

Напечатана во второй типографии
Издательства „Пролетарий".
Харьков, ул. К. Либкнехта 38.
Укрглавлит № 17432
Зак. № 802.
Тир. 6.000

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I

Предпосылки февральской революции.

Развитие капитализма в России, образование на основе капиталистического хозяйства двух основных классов современного общества — буржуазии и пролетариата, обострение между ними классовой борьбы, противоречия крестьянских и помещичьих интересов в деревне — все эти условия подготовили почву для первой русской революции 1905 года.

Тогда — в 1905 — 1906 г.г. — на арену открытой политической борьбы впервые выступили те силы, которым в великую революцию 1917 г. удалось свергнуть не только царя, но и помещиков и капиталистов. Что это за силы, какова их роль в революции, каковы их интересы, на защиту которых они выступают? На эти вопросы мы находим ответы в поучительной истории первой русской революции. В 1905 году на борьбу со старым строем застрельщиками революции,

а затем, как ее главная боевая сила, выступили рабочие, а потом и крестьяне. В начале революции их поддерживали — либеральная часть русской буржуазии, стремившаяся к „ограничению царского самодержавия“, „кающиеся дворяне“ и интеллигенция, верхи которой томились в душной атмосфере полицейского государства и рвались на широкий простор свободной политической деятельности. Но стоило только рабочим и крестьянам в процессе развития революции выдвинуть *свои* требования, поставить их в порядок дня, — как „либеральные попутчики“ сразу шарахнулись в сторону... Их испугало широкое народное движение, дальнейшее развитие которого грозило не только „устоям самодержавия“, но и „священным основам частной собственности“. Революционные требования рабочих и крестьян в 1905 — 1906 г.г. простирались гораздо дальше „либеральных пожеланий“ буржуазии. Крестьяне протягивали свои мозолистые руки к помещичьей земле, а рабочие требовали сокращения алчного аппетита эксплоататоров капиталистов. Это, конечно, не входило в „революционную программу“ помещиков

и фабрикантов. И они, в поисках защиты и спасения от рабоче-крестьянской революции, бросились в объятия царской жандармерии. Вскоре их примеру последовала и либеральная интеллигенция — профессора, адвокаты, писатели, врачи... Вождь этой интеллигенции, Милюков, презрительно называл знамя революции, под которым боролись рабочие и крестьяне, „красной тряпкой". Так произошло классовое расслоение сил революции.

На очищенном поле битвы, по эту сторону баррикады, остались только рабочие и крестьяне. Против них стоял объединенный фронт царя, помещиков, фабрикантов, банкиров, профессоров и адвокатов. Уже первая русская революция, как мы видим, вскрыла не только несовместимость царского самодержавия с буржуазным строем, но и глубокие классовые противоречия внутри этого строя. Интересы крестьян, захватывавших помещичьи земли, столкнулись с интересами помещиков, которые принимали все меры, чтобы удержать эти земли в своих руках. В этом им помогал и царь, который не без оснований считал себя

первым помещиком России. По губерниям, охваченным крестьянским движением, разъезжали царские уполномоченные генерал-адъютанты и увещевали крестьян, „сбитых с истинного пути всякими вредными толками и дурными советами“, не трогать помещичьих усадеб и уважать чужую собственность. Там, где генеральские уговоры не действовали на крестьян, против них,—как доказательство царской заботы о крестьянских нуждах,—выдвигались пулеметы, а иногда и пушки, которые сносили до тла целые деревни непокорных крестьян.

Требования рабочих сталкивались с интересами капиталистов. Между трудом и капиталом лежала пропасть, которую нельзя было заполнить никакими либеральными сказками о „внеклассовых“ и „надклассовых“ задачах русской революции. Как только это стало ясно буржуазии, она пошла на примирение с царизмом.

При поддержке помещиков и фабрикантов русскому царю вскоре удалось подавить первую революцию. Наступили мрачные годы черной реакции. Царские жандармы работали во-всю.

В городах и селах они вылавливали „беспокойных“ рабочих и крестьян и, как врагов самодержавного порядка, сажали в тюрьмы, ссылали в далекую Сибирь. Царским правительством было арестовано, брошено в тюрьмы и сослано более 80.000 человек. Царский министр-вешатель Столыпин покрыл русскую землю виселицами. После 1905 года было совершенно до 4.000 смертных казней. Правительство разослало командующим войсками тайный приказ не ходатайствовать о помиловании „смертников“, т.е. революционеров, приговоренных к смертной казни. Но порой кровавый царь являл миру примеры „милосердия“. Он миловал приговоренных к смертной казни, но... после того, как казнь была уже совершена. Карательными отрядами, которые артиллерийским огнем сносили до основания целые села, казнями, пытками, погромами и тюрьмами царь восстановил „порядок“, под гнетом которого снова застонала трудовая Россия. Помещики торжествовали. Радовались гибели революции и капиталисты.

Сменяя друг друга, потянулись кошмарные годы полицейского гнета и произвола,

жандармской провокации и казарменных „зуботычин“. В это вр-мя русские адвокаты вкупе с русскими промышленниками „играли в парламентаризм“ под мрачными сводами государственной думы. И только в 1912 г. снова стали пробиваться наружу проблески нового движения.

Застрельщиками и на этот раз явились рабочие. Сама жизнь толкала их на борьбу: в годы реакции общее положение рабочего класса значительно ухудшилось. Заработная плата рабочих повышалась медленно, при чем размеры этого повышения значительно отставали от роста цен на продукты широкого потребления. По данным фабричной инспекции, за 9 лет (1900—1909) заработная плата повысилась на 23, а цены на главные продукты рабочего потребления — на 32%. Несоответствие между заработной платой и „ценой жизни“ обрекало рабочих на полуголодное существование. С 1909 г. в России наблюдается постепенное оживление в промышленности, которое прерывается лишь в 1914 г. мировой войной. В связи с промышленным подъемом рабочие мало-по-малу стали оправляться от поражения

понесенного ими в 1906—1907 г. г. Уже в 1910 г. 43 000 рабочих приняло участие в *экономических* стачках, требуя от хозяев фабрик и заводов улучшения условий труда и повышения заработной платы; в 1911 г. число участников экономических забастовок возросло до 97.000 человек; в 1912 г. их насчитывалось уже 176.000. За восемь месяцев 1913 г. в экономических стачках принимало участие 299.000 рабочих.

Одновременно росло и развивалось *политическое* движение среди рабочих. В 1910 г., например, в политических забастовках, направленных против царского самодержавия, участвовало 42.000 рабочих, в 1911 г.—96.000, в 1912 г.—1.005.000 рабочих и работниц.

Массовые политические забастовки 1912 г. были гневным ответом рабочих на расстрел ленских стачечников, всколыхнувший всю пролетарскую Россию. Забастовки эти показали, что рабочий класс снова окреп и представляет собою могучую организованную силу. И когда царский палач, в ответ на запрос с.-д. фракции в государственной думе о ленском расстреле рабочих, заявил: „Так было, так будет“, то и эта наглая

угроза правительства свидетельствовала о „накаленности атмосферы“. Страна шла к новой революции, и правительство с циничной откровенностью говорило, что будет впредь беспощадно подавлять всякие попытки к бунту.

Но движение рабочих росло. Назревал новый взрыв. Это раньше всех поняли и учли большевики, которые, поддерживая забастовочное движение, выдвигали на первое место основные требования рабочих, поставленные на разрешение еще во время первой русской революции. Правое крыло российской социал-демократической рабочей партии — меньшевики - ликвидаторы, было на этот счет другого мнения. Они не верили в революционные силы рабочих. Новая революция рисовалась их взору в далеком, далеком будущем. Все их мысли и деятельность были направлены к тому, чтобы в условиях легальной работы расширить рамки „куцой конституции“ и добиться для рабочих свободы собраний и союзов. Массовые забастовки пролетариата они считали растратой сил. Меньшевики-ликвидаторы развили усиленную пропаганду своих идей

среди петербургских и, отчасти, московских рабочих, но успеха не имели. Рабочий класс в огромном своем большинстве стал на точку зрения большевиков, взявших вскоре в свои руки руководство политическим движением пролетариата, захватывавшим все новые и новые слои рабочих...

В 1913 году почти все промышленные районы России были охвачены волной политических стачек... По количеству участников политические забастовки 1913 г. напоминают 1905 г. В них участвовало 1.270.000 рабочих, всего лишь на 150.000 меньше, чем в 1905 году. В 1914 г. рабочее движение принимает боевой революционный характер. В июле этого года на улицах Петербурга происходят вооруженные столкновения рабочих с полицией и войсками. Кое-где появляются баррикады.

Но разразившаяся война „срывает" революцию. Под воинственный бой барабанов и патриотические вопли националистов происходит примирение всех буржуазных партий: Кадет Милюков, пожимая руку черносотенцам Пуришкевичу и Маркову 2-му, вместе с лидерами других буржуазных партий открыто

заявил, что „выражает готовность без всяких условий поддержать правительство в войне".

Буржуазная печать кричит о „тевтонской опасности" и „защите отечества". В общественный оборот пускается лозунг „все для войны", поддержанный всеми буржуазными партиями.

В этом патриотическом шуме одиноко прозвучали голоса членов большевистской фракции государственной думы, протестовавших против „бойни, навязанной народам их правительствами", и призывавших русскую демократию „к продолжению борьбы с самодержавием". Этот смелый протест рабочих делегатов не на шутку встревожил правительство Николая Кровавого и промышленную буржуазию, которой уже в первые дни войны овладела лихорадка военной наживы. Опасность агитации и пропаганды против войны была в корне убита. Царское правительство, поддержанное черносотенцами и либералами, под патриотический шумок „защиты отечества", жестоко расправилось с ненавистными рабочими депутатами, имевшими смелость открыто выступить с протестом против затеянной войны. Пять рабочих

депутатов государственной думы — Петровский, Бадаев, Муранов, Шагов и Самойлов, и редактор большевистской „Правды“ Л. Каменев подверглись за это смелое выступление ссылке в Сибирь на поселение. Тюрьмы снова наполнились рабочими, успевшими „зарекомендовать“ себя врагами „великой европейской войны“. Один за другим закрывались профессиональные союзы и культурно-просветительные организации рабочих.

Такая же участь постигла и рабочую печать.

Жизнь страны была скована железными цепями военного положения. Никто не мог и не смел возвысить свой голос против той великой неправды, которая творилась в стране под бой барабанов. В деревнях стояли стон и плач. Крестьян, как пушечное мясо, сотнями тысяч отрывали от мирного труда и гнали на убой, часто без оружия.

Уже в начале 1915 г. стали ходить зловещие слухи о том, что наши военные запасы приходят к концу и что армия „голыми руками“ не в силах будет сдержать отлично вооруженные войска противника. На тревожный запрос по этому поводу государственной думы военный министр Сухомлинов

дал ложное объяснение; он заявил, что армия обеспечена снарядами и что производство последних идет в количестве, достаточном для успешного ведения войны. В действительности же наши запасы иссякли, у нас почти не было тяжелых орудий, ощущался большой недостаток ружей, патронов и пулеметов; артиллерийское ведомство вырабатывало лишь десятую долю того, что необходимо было для фронта. Солдаты часто шли в атаку без винтовок и патронов и гибли под ураганным огнем неприятеля. Недостаток вооружения и боевых припасов вызвал громадное отступление нашей армии. Русские войска не только оставили Галицию и Пруссию, куда они вторглись по воле русских и англо-французских империалистов, но и сдали неприятелю на западе все наши крепости и огромную территорию восемнадцати губерний.

В этом отступлении наших войск сыграло известную роль и военное предательство, имевшее своих агентов во многих высших органах государственного управления. Один из этих агентов, полковник Мясоедов, пользовавшийся покровительством военного министра

Сухомлинова, был разоблачен и предан суду. Он служил в штабе при верховном главнокомандующем и сообщал неприятелю важные военные тайны. Приговоренный к смертной казни Мясоедов хотел назвать имена своих соучастников, но власти поспешили без замедления привести приговор суда в исполнение. Откровенные показания Мясоедова были, конечно, опасны для неразоблаченных еще германских шпионов, занимавших, как говорили, слишком высокое положение в стране, и они поспешили как можно скорее избавиться от своего неудачного сообщника.

На этом мрачном фоне грабежа, взяточничества и предательства, как завершение, как венец прогнившего здания, вырастает отвратительная фигура Григория Распутина — уголовного преступника, конокрада, пьяницы и развратника, державшего в своих руках „судьбы России“. Влияние Распутина на царя и, особенно, на царицу, было беспредельно. Он был некоронованным монархом Российского государства. Знатные вельможи, министры, сенаторы склоняли перед ним голову, заискивали, хотя в душе глубоко ненавидели его. Григорий Распутин назначал и увольнял

министров. Горемыкин, Хвостов, Штюрмер, Барк, Добровольский, Протопопов — все они получили министерские портфели из грязных рук дворцового развратника и проходимца. О похождениях Гришки запрещено было писать в газетах и говорить на собраниях. Он, как и царь, пользовался неприкосновенностью. Поведение Распутина позорило двор, оскорбляло членов царской фамилии, и против него был составлен заговор великих князей. В декабре 1916 г. заговорщики привели свой замысел в исполнение. Ночью, во время попойки, Распутин был убит одним из великих князей, взявшим на себя выполнение воли заговорщиков. Так закончился Распутинский период русской истории, отразивший звериную жестокость, тупоумие, продажность и гнилостное разложение тех общественных слоев, которые управляли Россией под скипетром царя-самодержца... Государственный строй, охваченный гангреной, был обречен на неминуемую гибель.

В марте 1917 года, после свержения царя, В. И. Ленин писал из Женевы в „Правду“: „Без революции 1905 — 1907 годов, без контрреволюции 1907 — 1917 годов невозможно

было бы такое точное „самоопределение“ всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в восемь дней февральско-мартовской революции 1917 года“.

„Первая революция, — писал В. И. Ленин в той же статье, — и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907 — 1914 г. г.) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до „последней черты“, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых, — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, — этих „первых среди равных“ *помещиков, владеющих миллионами* десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и *своего класса* „священной собственности“*). Вспыхнувшая всемирная империалистическая война ускорила падение гнилой

*) *Н. Ленин (В. И. Ульянов).* — Собрание сочинений, т. XIV, ч. I, стр. 6.

монархии. На одном из крутых поворотов мировой истории „телега залитой кровью и грязью Романовской монархии" опрокинулась сразу и навсегда.

К весне 1915 года призыв на войну запасных и ратников ополчения привел к „убыли мужской рабочей силы на 20—25%. Одно наше крестьянство к маю 1915 года дало для пополнения действующей армии около 5½ миллионов воинских чинов. Всего же к этому времени в армию было призвано около 8,5 миллионов человек. По данным мобилизационного отдела, к первому полугодию 1917 года общее число призванных в войска составляло свыше 15.000.000 чел.*) Отрыв такой огромной по количеству рабочей силы от производительного труда больно ударил по народному хозяйству. Это очень скоро сказалось, прежде всего, на сельском хозяйстве, где главной рабочей силой в годы войны явились женщины и старики непризывного возраста.

Сокращение посевной площади отмечено было уже в первый год войны. В 1915 году,

*) *С. Н. Прокопович.* „Война и народное хозяйство". М. 1918 г., стр. 150—151.

когда целый ряд западных губерний был занят германцами, сокращение посевной площади увеличилось. Процесс этот продолжался и в последующие годы войны. С. Прокопович в книге „Война и народное хозяйство“ приводит следующую таблицу изменения посевной площади озимых и яровых за годы империалистической войны:

Годы	Озимые	Яровые	всех хлебов	В проц.
	в тысячах десятин			
1913	35.692,4	67.005,1	102.697,6	100,0
1914	34.207,9	65.359,4	99.567,4	97,0
1915	29.724,1	59.251,6	88.975,7	86,6
1916	27.845,0	56.094,0	83.939,0	81,7
1917	28.590,0	57.200,0	85.790,0	83,5

Как видно из этой таблицы, наибольшее сокращение посевной площади падает на 1916 год. Война вызвала также значительное сокращение производства сельско-хозяйственных машин и орудий.

По данным Совета Съездов фабрикантов, производство земледельческих машин в годы войны составляло по отношению к довоенному:

Годы	Проц.
1914	90
1915	50
1916	20
1917	15

Довольно резкое понижение производительных сил сельского хозяйства сказалось, прежде всего, в сокращении сельско-хозяйственной продукции. В 1916 г. всего было собрано озимых и яровых хлебов 84,9% по сравнению с 1909—1913 годами; в 1917 году—82,1%. Значительная часть собранного хлеба направлялась на фронт. В большие промышленные города продукты сельско-хозяйственного труда попадали в недостаточном количестве и неаккуратно. Объяснялось это двумя причинами. Первая—расстройство транспорта. Вторая—расстройство промышленности, переход ее на „военные рельсы" и сокращение производства необходимых населению предметов потребления: при бестоварьи крестьяне не могли получить за свой хлеб необходимые им продукты городской промышленности и не вывозили хлеба на рынок.

II

Февральские дни.

Вспыхнувшая война властно потребовала подчинения ее нуждам почти всей хозяйственной жизни страны. Фабрики и заводы, как

крупные, так и мелкие, были отвлечены от производства нужных населению продуктов: вся их деятельность была направлена на изготовление предметов, необходимых для „обороны отечества“. Фронт поглощал также огромную долю продуктов сельско-хозяйственного труда. Необходимо было накормить, одеть и вооружить многочисленную армию рабочих и крестьян, оторванных от полезного производительного труда для безумной бойни.

Война нарушила весь уклад хозяйственной деятельности страны. И это очень скоро сказалось, особенно в крупных городских центрах, население которых раньше других начало испытывать недостаток в продуктах широкого потребления.

Цены на предметы питания и одежды в городах начали стремительно расти. Трудовые массы, отданные во власть спекулянтов, стонали под тяжестью „купеческого пресса“, выжимавшего у них последние соки. А на фронте потоком лилась кровь „серых героев“. В то время, когда рабочие и крестьяне сотнями тысяч гибли на полях битв во славу англо-французского капитала,— в тылу — среди слез и страданий — шел пир

русских фабрикантов и помещиков, наживавших на военных поставках умопомрачительные барыши.

Три года длилось ограбление истекавшей кровью страны... Наконец, трудящиеся массы, измученные войной и голодом, не выдержали дальнейшего испытания. Терпение их лопнуло. 23 февраля 1917 г. раздались первые раскаты грома, и черное небо русской жизни озарили зарницы великой революции, разрушившей до основания трон российского самодержавия. В этот день рабочие Петрограда вышли на улицу с требованием: „хлеба!“ Выдвигая это требование, рабочие отлично понимали, что голод и хозяйственная разруха находятся в неразрывной связи не только с войной, но и со всеми царскими порядками; поэтому в первый же день движение петроградских рабочих приняло политический характер: наряду с требованием „хлеба“, послышались возгласы: „Долой самодержавие!“, „Долой войну!“ Толпа рабочих на улицах Петрограда быстро росла. На площадях и в фабричных кварталах происходили многолюдные митинги. Рабочие массы с пением революционных песен направились к Невскому проспекту.

По официальным данным, 23 февраля 1917 года в Петрограде бастовало 87.534 рабочих. На следующий день общее число бастующих достигло 158.538 человек. Из донесения начальника охранного отделения видно, что в этот день не работало 131 предприятие Петрограда. 25 февраля движение приняло еще более широкий, массовый характер. На этот раз бросило работу на фабриках, заводах и в учреждениях 240.000 рабочих и служащих. Огромные толпы заполнили улицы Петрограда.

Вскоре появились на улицах красные знамена — провозвестники великой революции. Движение рабочих испугало царских слуг, помещиков и капиталистов. Они хорошо помнили 1905 год и боялись повторения революции. Лидер партии „народной неволи" Милюков кричал: „Лучше поражение на фронте, чем революция!" Боязнь революции особенно сильно охватила владельцев крупных земельных имений. Председатель государственной думы Родзянко — помещик Екатеринославской губернии — предложил председателю совета министров князю Голицыну — тоже крупному помещику — созвать

„экстренное совещание для выработки мероприятий к удовлетворению продовольственной нужды столичного населения — в первую очередь удовлетворению рабочих в предприятиях, работающих на оборону". Предложение это было принято, и 24 февраля вечером в Мариинский дворец на совещание съехались члены президиума государственной думы, все министры, кроме А. Протопопова, петроградский гоoодской голова и председатель петроградской губернской земской управы.

Князь Голицын предложил собранию обсудить „волнующий всех вопрос". Министрам и членам государственной думы казалось, что стоит только бросить рабочим лишний кусок хлеба, — они успокоятся. Но раздача этого хлеба,— говорили думцы,— должна быть изъята из рук правительства и передана в руки городских самоуправлений, как организаций, которые могут вызвать к себе доверие широких слоев населения.

Министры, напуганные грозным призраком революции, не ворзажали против думских пожеланий, которые они при других обстоятельствах сочли бы крамольными и недопустимыми. Теперь, когда над ними висел

дамоклов меч революции, они признавали, что „в настоящий острый момент несомненную роль играет доверие населения к тем органам, которые ведают дело распределения хлеба".

Но — увы! — было уже поздно.

Революционное движение росло с каждым часом. Продовольственный вопрос, над разрешением которого мучительно ломали голову министры, отошел на задний план, уступив место политическим требованиям народа.

Петроградский комитет большевиков 25 февраля выпустил прокламацию, в которой говорилось:

„Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить.

„На фронте — кровь, увечье, смерть. Набор за набором. Поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню. — Нельзя молчать.

„Отдавать братьев и детей на бойню, а самим подыхать от холода и голода и молчать без конца — это трусость бессмысленная, преступная, подлая.

„Все равно не спасешься. Не тюрьма — так шрапнель; не шрапнель — так болезнь или смерть от голодовки и истощения.

„Требуют хлеба — отвечают свинцом. Кто виноват?

„Виновата царская власть и буржуазия. Они грабят народ в тылу и на фронте. Помещики и капиталисты на войне наживаются; не успевают считать барыши, тянут войну без конца. Ради военных барышей и ради захвата Константинополя, Армении и Польши гонят на бойню народ. Нет конца их жадности и зверству.

„Все на борьбу. На улицу. За себя, за детей, за братьев!"

Призыв большевиков встретил живой отклик среди трудового населения столицы. 25 февраля революционное движенне приняло „всенародный характер". Начавшись, как и накануне, на окраинах, в рабочих кварталах, движение с быстротой молнии перекинулось на центральные улицы. Около полудня у Литейного проспекта, где особенно много скопилось людей, произошло первое столкновение с полицией. Городовые сначала пустили в ход холодное оружие, а затем раздались выстрелы. И петроградские мостовые обагрились кровью первых жертв великой революции. Рабочие в этой схватке с полицией

потеряли несколько десятков товарищей. Рассеянные полицейским огнем, они вновь собрались и огромной толпой направились к Казанской площади, где их встретил отряд казаков. На этот раз не поднялась на рабочих казацкая нагайка. Подъехав к толпе, казаки, встреченные криками „ура“, не предприняли против нее никаких решительных мер.

В это время в рабочих кварталах шли настоящие бои. Царский министр внутренних дел Протопопов отдал по полиции приказ подавить во что бы то ни стало „восстание хулиганов“. Он уверял царя и приближенных к нему сановников, что „революции нет“ и „не может быть“; взбунтовалось петроградское „хулиганье“, с которым полиция очень быстро справится. „Для подавления бунта хулиганов,—успокаивал последний царский министр последнего русского царя,—приняты уже меры“. Каковы эти меры, стало известно на следующий день, когда в безоружную революционную толпу с домовых крыш посыпался град полицейских пуль. Протопопов, боявшийся революции не меньше, чем царь, устроил на крышах домов целую

сеть полицейских пулеметных засад, которые и открыли по толпе ураганный огонь. Царский опричник мечтал при помощи придуманной им „усовершенствованной“ системы засад потопить в крови рабочее движение.

Но, несмотря на „принятые меры“, события стремительно развивались, захватывая в свой бурный поток все новые и новые слои столичного населения. 26 февраля петроградские улицы, несмотря на огонь полицейских пулеметов, с утра были запружены народом. Рабочие вышли в этот день на улицы организованными массами: большевистские и меньшевистские партийные организации и рабочие профессиональные союзы несли большие красные знамена с надписями: „Долой самодержавие!“, „Да здравствует республика!“ Протопоповские полицейские засады открыли по рабочим пулеметный огонь. Толпа демонстрантов, осыпаемая градом пуль, бросилась в разные стороны. „Люди жались к стенам домов, тискались к запертым воротам, падали в снег, пробовали подняться, встать, бежать и снова падали...“

В другой части города, на Казанской площади, толпу встретил отряд городовых,

переодетых в солдатские шинели. После первого залпа в воздух, городовые начали расстреливать ложившуюся на землю толпу боевыми патронами. Здесь было убито более ста человек.

Обильно была орошена в этот день народной кровью и Знаменская площадь. Но движение от этого нисколько не уменьшилось Наоборот, оно разрасталось с еще большей силой. Теперь уже и для царских министров стало ясно, что им приходится иметь дело не с „восстанием хулиганья“, а с победоносной революцией. Для ее подавления уже недостаточно было одних лишь полицейских сил. Пришлось направить против народа войсковые части. Но солдаты — крестьяне и рабочие в серых шинелях — были ненадежной опорой для старого ненавистного строя. Это стало ясно сейчас же, как только их отправили расстреливать таких же рабочих, как и они.

Несмотря на свирепые приказания золотопогонного начальства стрелять в толпу, солдаты метили „выше головы“, палили в воздух. Вызванные на Знаменскую площадь казаки, вместо расправы с толпой, направили

свои ружья против полиции. Завязался горячий бой. Полицейские отряды, не выдержав огня казацких винтовок, разбежались, оставив на поле битвы несколько убитых и раненых. Весть о революционном выступлении казаков разнеслась по всему городу. Вскоре стало известно, что и воинские части, вызванные для подавления революции, примкнули к рабочим. Революция обрела силу и опору в вооруженных массах трудового народа. Первыми перешли на сторону революции Литовский и Преображенский полки. Затем их примеру последовали и волынцы.

Родзянко, встревоженный „широким размахом событий, грозивших опасностью царскому дому, отправил 26 февраля царю, находившемуся в ставке, телеграмму, в которой от имени русских помещиков и капиталистов умолял царя поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое министерство. Родзянко предостерегал царя. „Всякое промедление",— писал он,— смерти подобно. Молю бога, чтобы часть ответственности не упала на венценосца". Но Николай II и слышать не хотел о „министерстве, пользующемся доверием страны".

Указом 27 февраля он приказал распустить государственную думу, где зародились столь крамольные мысли. Государственная дума, под влиянием речей левых депутатов, не подчинилась указу о роспуске. „Указ царя,— говорили левые депутаты, — пустой звук. Подчиниться ему значит подчиниться бессилию“. Эта точка зрения восторжествовала, несмотря на благоразумные советы Милюкова, боявшегося „развития революции и анархии“ и рекомендовавшего членам думы подчиниться указу „венценосца“. Обнаружив неслыханное и невиданное доселе неповиновение, государственная дума, тем не менее, все еще цеплялась за фалды мундира „обожаемого монарха“. Председатель думы Родзянко 27 февраля отправил царю вторую телеграмму, в которой со скорбью писал: „Положение ухудшается, надо принять немедленные меры, ибо завтра будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии“. Собственно, судьба династии — царствующего дома — была уже решена революцией. Заботы Родзянко, его мольбы к богу были совершенно напрасны. Никакие меры не могли уже спасти корону последнего

русского самодержца. Революция победила. Сопротивление незначительных войсковых частей, оставшихся верными царю, было сломлено. Рабочие и революционные солдаты взяли арсенал, артиллерийское управление и Петропавловскую крепость, где в течение многих десятилетий томились „пленники царя" — борцы за рабочее и крестьянское дело. Революция принесла, наконец, им свободу, вырвала их из цепких рук царских опричников.

В этот же день были освобождены политические заключенные, томившиеся в других тюрьмах Петрограда. А над Петропавловской крепостью взвилось красное знамя революции.

Бурный поток революции захватил теперь всех, даже тех, кто всегда враждебно относился к революционным требованиям рабочих и крестьян. Став врагами старого строя, все восторженно приветствовали зарю новой жизни...

III

Падение самодержавия и образование новой власти.

Государственная дума, отброшенная событиями первых дней революции на задний

план, сознав, наконец, безнадежность обращений к „венценосцу“, резко изменила фронт. Члены думы решили „прибрать революцию к рукам“, использовать в своих целях, подчинить революционное движение интересам помещиков и капиталистов и, главное, вернуть себе прежнюю роль и значение в политической жизни. 27 февраля государственная дума выделила из своего состава временный исполнительный комитет, который должен был принять на себя управление страной. В комитет этот вошли представители крупных помещиков, капиталистов, интеллигенции и мелкой буржуазии. В нем вместе с екатеринославским зубром Родзянко и московским фабрикантом Коноваловым восседали социалисты Чхеидзе и Керенский, объявивший себя под победные звуки революции эсэром. Первым делом исполнительного комитета было обращение к населению с воззванием, в котором говорилось, что временный комитет членов государственной думы „нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка“.

Комитет выражал уверенность, что „население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием“.

В воззвании, однако, ни слова не говорилось о завоеваниях революции, об отношений временного исполнительного комитета к царю, к войне, которая привела страну к разрухе и разорению, а трудовые слои населения—к нищете и голоду. В воззвании не было также ни слова о насущных нуждах рабочих и крестьян. Все эти острые вопросы, поставленные революцией, были ловко обойдены комитетом по делам помещиков и промышленников. Большинство членов исполнительного комитета еще верило в возможность спасения монархии. Октябрист Гучков и черносотенец Шульгин рекомендовали воздержаться от „всех действий, предрешающих форму будущего правления“. Кадет Милюков был более откровенным: он настаивал на необходимости провозгласить императором наследника Алексея и регентом (временно управляющим государством до совершеннолетия юного государя) — великого

князя Михаила Александровича. Устами Милюкова и Гучкова русская буржуазия говорила, что она вполне удовлетворится „переменой венценосца". Ей важно было сохранить основы монархического строя в России, трещавшие под напором революции. Но остановить или ввести революционное движение в спокойное русло буржуазных пожеланий было уже нельзя.

Все мечты буржуазии о сохранении монархии были напрасны. Революция опиралась на вооруженных крестьян в серых шинелях и рабочих, а они-то, конечно, ни за что не примирились бы с сохранением монархического строя. Крестьяне требовали воли и земли. Монархия не могла дать им ни земли, ни воли. Рабочие, в ответ на бессмысленные мечтания буржуазии, напомнили ей, что, кроме монархии, существуют и другие формы государственного управления, основанные на началах народовластия.

Ближайшие, очередные, политические требования революции были формулированы образовавшимся в ночь на 27 февраля петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. В первые же дни своей деятельности

Совет рабочих и солдатских депутатов объединил вокруг себя всех рабочих и солдат Петрограда. Он стал опорой революции. К Совету с разных концов направлялись делегаты угнетенных и эксплоатируемых. По петроградскому примеру один за другим создались Советы в Москве, Кронштадте, Одессе, Нижнем-Новгороде и других провинциальных городах. 28 февраля в Совет прибыли депутации полков, примкнувших к революции. Здесь были представители от войсковых частей Петрограда, Кронштадта и Ораниенбаума. Делегаты клялись умереть за свободу народа. Посланные царем с фронта на усмирение Петрограда эшелоны присоединились к рабочим и солдатам петроградского гарнизона. На сторону революции перешел даже... собственный конвой Николая Романова.

Участь царя была решена. Царские министры и высшие сановники были арестованы и содержались под стражей революционных войск. К царю в Псков от государственной думы были отправлены Гучков и Шульгин, которые предложили „обожаемому монарху" отречься от „своих прав на престол".

2 марта 1917 г. Николай Романов подписал в вагоне вблизи ст. Псков манифест об отречении от престола. Он отрекся от прав на престол не только за себя, но и за своего малолетнего сына. „Наследие наше, — говорилось в манифесте отречения, — мы передаем брату нашему — великому князю Михаилу Александровичу, и благославляем его на престол государства Российского“. Но для того, чтобы занять этот престол, недостаточно было благословения „венценосца“, развенчанного и прогнанного народом. Николай Романов отрекался от престола, который был разрушен рабочими и крестьянами до основания.

Помещики и капиталисты, засевшие в государственной думе, не могли, конечно, примириться с крахом монархии. Работая за спиной революционных рабочих и солдат, они сделали последнюю попытку „переложить корону с одной головы на другую“.

Но и эта попытка закончилась неудачей.

Как только стал известен текст царского отречения, Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, поддержанный протестом фабричных рабочих и солдат,

потребовал от Временного Правительства, чтобы оно положило конец всяким монархическим комбинациям буржуазии. Совет министров вынужден был поехать к Михаилу и просить его отречься от своих прав на престол.

Михаил не заставил долго упрашивать себя. Время для этого было неподходящее. На улицах Петрограда и по всему необъятному пространству России бурлили волны революции... и Михаил поспешил „добровольно" отречься от опасного „наследия" старшего брата.

В России образовалось первое буржуазное правительство во главе с кн. Г. Е. Львовым. В состав нового—временного—правительства вошли: Милюков – министр иностранных дел, Гучков — военный и морской министр, Некрасов — министр путей сообщения, Терещенко — министр финансов, Коновалов — министр торговли и промышленности, Мануйлов — министр народного просвещения, Шингарев — министр земледелия, Керенский — министр юстиции и Вл. Львов — обер-прокурор святейшего синода.

Портфель министра внутренних дел сохранил за собой председатель совета министров.

В составе первого революционного правительства мы имели — трех крупных промышленников, двух помещиков, двух профессоров, одного адвоката и одного представителя „третьего земского элемента“. По своим политическим мировоззрениям все участники нового правительства, за исключением Керенского, считавшего себя заложником демократии во враждебном стане, принадлежали к кадетско-октябристскому блоку. Каждый из новых министров считал революцию законченной.

Наступило время, — по мнению новой власти, — мирного строительства и организации сил для окончательной победы над внешним врагом.

Итак, попытка буржуазии сохранить России монарха, который правил бы „делами государственными в полном и ненарушимом единении“ с капиталистами и помещиками, закончилась полной неудачей.

Тирании, терзавшей страну в течение многих столетий, был положен конец О возврате к монархии теперь не могло быть и речи. Революция победила и в центре и в провинции.

Трон самодержца пал! Освобожденный народ праздновал победу. Все слилось в едином чувстве восторга. В порыве народного энтузиазма, казалось, „исчезли классовые противоречия“, забыты обиды, наступило объединение всех общественных групп. Даже рабы вчерашних владык стали республиканцами революционерами, защитниками нового свободного строя. Революция казалась „сказкой“, „сном золотым“...

В рабочих кварталах шла кипучая организационная работа. Один за другим создавались мощные профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, рабочие, партийные клубы.

Великая армия труда под красным знаменем свободы собирала и объединяла свои силы. Но „за внешней гармонией скрывались глубокие несогласия“. В воздухе висели тучи-буревестники, появившиеся уже в первые дни деятельности новой власти.

На блестящей ликующей поверхности февральской революции резко обозначились три основных течения, определявшие различное понимание задач революции, ее целей и классовой сущности.

Такими течениями были: либеральное, „соглашательское“ и революционно-социалистическое (большевистское).

Первое опиралось преимущественно на тонкий, но экономически мощный слой крупной и средней буржуазии. Представители этого течения — кадеты — считали революцию законченной. Появление у власти буржуазии было для них венцом революционных достижений. Необходимо было только расправить плечи и приступить к обильной жатве плодов революции.

Второе — соглашательское — течение нашло себе отражение во взглядах меньшевиков и социалистов-революционеров, утверждавших, что „настоящая революция — буржуазная и, стало быть, не может обойтись без участия буржуазии у власти“. „Задача революции и ее ближайшая цель, — говорили они, — определяются классовой природой февральско-мартовского переворота“.

Верхом революционных достижений они считали установление демократической республики. Это течение свило себе гнездо среди мелкой буржуазии, политически бесформенной, колеблющейся массы крестьянства

и рабочих, не изживших мелко-буржуазных иллюзий.

Наконец, третье течение — революционно-социалистическое — отражало взгляд на революцию левого крыла российской социал-демократии — большевиков, опиравшихся на революционные слои пролетариата. Представители этого течения утверждали, что пролетариат является главной движущей силой революции, определяющей ее классовую природу и ход ее дальнейшего развития. Разгром русского самодержавия, поставивший буржуазию у власти, — говорили большевики, — лишь первый этап гражданской войны, порожденный всемирной империалистической войной. Февральско мартовскую революцию они, таким образом, ставили в причинную связь с войной и рассматривали ее, как первую фазу неизбежной гражданской войны мирового пролетариата с мировой буржуазией.

Если, — говорили большевики, — в результате самодержавия у власти стала буржуазия, необходимо с большей энергией продолжать дело организации революционных сил пролетариата, ибо борьба еще не закончена. Впереди — грозные битвы, которые „приведут

пролетариат к победе над эксплоататорами, дадут землю крестьянам, мир народам, откроют верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата". Необходимо звать рабочий класс к дальнейшей борьбе, а не усыплять, убаюкивать его достигнутой победой.

IV

Двоевластие.

27 февраля в Петрограде „зародились два центра, два органа, которые явились источниками власти", — временный комитет государственной думы и Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. В ночь с 28 февраля на 1 марта временным комитетом государственной думы было созвано совещание для решения вопроса о создании революционного правительства, о характере власти и ее программе. На совещание были приглашены и представители Совета.

В первые дни революции петроградский Совет имел возможность захватить всю власть в свои руки, но он этого не сделал.

Меньшевики и эсэры предоставили государственной думе из своей среды составить Временное Правительство. Отказавшись принять участие в этом правительстве, они решили действовать на него извне. Соглашательский Совет решил ограничиться предъявлением правительству определенных политических требований и, не влияя непосредственно на состав министерства, т. е. не указывая непосредственно кандидатур желательных министров, ограничиться только правом отвода кандидатов, явно нежелательных и явно враждебных и опасных для революции.

В этом решении Совета ярко отразился оппортунизм меньшевиков и социалистов-революционеров, свидетельствующий о неспособности мелкой буржуазии взять власть в свои руки в острый период империалистической войны. Меньшевики и социалисты-революционеры боялись власти не меньше, чем либералы революции. Это помогло организованной буржуазии захватить власть в свои руки и стать на довольно продолжительное время у руля государственного корабля. Буржуазия пыталась направить его подальше от бурных волн революции и ввести

в тихую бухту буржуазного государства, но потерпела неудачу.

Между носителями „революционной“ власти и требованиями рабочих и крестьянских масс лежала глубокая пропасть классовых противоречий. Родзянки, Милюковы и Коноваловы, окрасившие наспех свои одежды в республиканский цвет, ненавидели республику и породившую ее революцию. Захватив власть в свои руки, они мечтали о монархии английского типа, — монархии которая обеспечила бы господство буржуазии. Дальнейшее развитие революции они считали анархией. Такая власть, конечно, не могла быть выразительницей воли не только рабочих и крестьян, но и той мелко-буржуазной массы, которая тогда вся горела огнем революции. Такую власть нельзя было назвать народной властью даже в том смысле, как ее понимают буржуазные политики. Между представителями новой власти и трудовым народом, как и при старом строе, не было и не могло быть взаимного понимания. Интересы их были враждебны и противоположны. Вот почему даже соглашательские Советы рабочих и крестьянских депутатов, больше всего

опасавшиеся огорчить буржуазию „нескромностью“ своих требований, вынуждены были иногда вступать в конфликты с Временным Правительством. При таком противоречии интересов наивно было полагать, что новая власть, капиталистов и помещиков, в состоянии будет вывести страну из огненного кольца войны, в котором гибли десятками тысяч крестьяне и рабочие, и вернуть страну к мирному производительному труду... Наоборот, все поведение Временного Правительства говорило о том, что либеральная буржуазия, став у власти, намерена использовать революцию в своих империалистических целях и довести до „победного конца“ войну, начатую в ее интересах царским правительством. Жадному взору русских промышленников рисовались уже константинопольские минареты, узкие берега Дарданелл и сочные черноземные поля далекой Галиции.

Старый лозунг „все для войны“ был заменен другим, боевым, более отвечающим условиям времени: „все для победы“.

В то время, когда городская беднота, рабочие и крестьяне стонали под тяжелым бременем войны, Временное Правительство

устами министра иностранных дел Милюкова заверяло правительства Англии и Франции, что оно свято выполнит все тайные договоры, заключенные между царем и его западными союзниками.

Это означало, что Временное Правительство революционной России готово и впредь в каком угодно количестве проливать кровь трудящихся во славу русского и англо-французского капитала.

Однако, „воинственный пыл“ буржуазии встретил решительное противодействие со стороны рабочих и солдат, которых нельзя уже было посылать на убой, как „серую скотинку“. Революция сделала их хозяевами собственной крови, и проливать ее по указке буржуазии у рабочих и солдат не было охоты.

Под давлением пролетарских масс, соглашательские рабоче-крестьянские Советы вынуждены были, наконец, выявить свое отношение к войне и согласовать с ним внешнюю политику Временного Правительства: 14 марта 1917 г. петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов обратился к народам всего мира с знаменитым воззванием, в котором говорилось, что „настала

пора взять народам в свои руки решение вопроса о войне и мире". Совет заявил, что „всеми мерами будет противодействовать захватной политике своих господствующих классов", и призывал народы Европы к „совместным и решительным выступлениям в пользу мира..."

Воззвание заканчивалось призывом к германским рабочим и солдатам „сбросить с себя иго полусамодержавного порядка" и „дружными объединенными усилиями прекратить страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы". Совет выдвинул лозунг „мира без аннексий и контрибуций".

Несмотря на вой буржуазии, подвергшей беспощадной критике советскую формулу мира, Временное Правительство по настоянию Совета, на который давили рабочие и солдаты, вынуждено было заявить, что „цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение полного мира на основе самоопределения народов".

Но вся эта кампания за мир носила лишь формальный характер. Это была не больше, не меньше, как „отписка“ социалистов-соглашателей и буржуазии на революционные требования рабочих и солдат. Воззвание Совета вскрыло глубокое противоречие между „словами“ и „делами“ соглашателей — меньшевиков и эсэров.

На словах они протягивали братски руку пролетариям воюющих с нами стран, рекомендуя им „сбросить иго полусамодержавного порядка и отказаться служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров“, а на деле—ревностно охраняли мир и согласие с отечественной буржуазией и поддерживали ведение войны в интересах обороны революции.

Большевики подвергли резкой критике эту двойственную позицию соглашателей. В печати и на собраниях большевики указывали на внутреннее противоречие советского воззвания к народам мира, вскрывали его действительную сущность, свидетельствовавшую о трусости, неискренности и убожестве соглашательства. Воззвание же правительства большевики считали наглым лицемерием.

Вскоре жизнь показала, что большевики были правы... 18 апреля (по новому стилю 1 мая), в день международного пролетарского праздника, Милюков обратился к Англии и Франции с нотой, в которой заявлял, что „Россия будет вести войну до победного конца“, при безусловном соблюдении тайных договоров. Эта нота, противоречившая заявлению, сделанному перед этим Временным Правительством, была наглым вызовом революционной демократии.

Временное Правительство, несколько дней тому назад лицемерно заявлявшее об отсутствии у новой власти захватнических стремлений, поспешило и на этот раз лицемерно сообщить, что выступление Милюкова сделано им помимо воли правительства. Объяснение это, однако, не удовлетворило рабочих. Под давлением протестов рабочих и солдат, П. Н. Милюков вынужден был покинуть министерство. Вслед за ним отказался от министерского портфеля и военный министр А. И. Гучков, заявивший, что без восстановления железной дисциплины в войсках он не может спасти отечество от неминуемого разгрома.

Итак, буржуазное правительство, при первой попытке „взять курс“ на завоевание Дарданелл, встретило энергичный натиск со стороны рабочих. Под давлением последних, соглашательский Совет рабочих депутатов потребовал отставки Милюкова и настоял на удовлетворении этого своего требования. Временное Правительство вынуждено было пойти на уступки: на стороне Совета была сила — рабочий класс и войска. Временное Правительство не могло противопоставить этой силе более мощную силу, которая могла бы ее сломить, и принесло Милюкова в жертву двоевластию. Временное правительство не имело никакой опоры в народных толщах. Оно держалось „прямым и косвенным, формальным и фактическим *соглашением* с Советами рабочих депутатов и главным Советом, петроградским*)“. Оно было правительством милостью соглашателей.

Отстаивая буржуазный принцип власти, меньшевики и эсэры пользовались своим положением *второй* власти, созданным

*) *Н. Ленин (В. И. Ульянов).* Собрание сочинений, т. XIV, ч. I, стр. 25.

фактическим соотношением сил в стране, неохотно и редко. И, тем не менее, эти редкие и слабые проявленяя „властвования“, вскрывали „в высшей степени замечательное своеобразие нашей революции“, состоявшее в том, что „она создала *двоевластие*“... „В чем состоит двоевластие? — спрашивал В. И. Ленин и отвечал: — В том, что рядом с Временным Правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки, несомненно, существующее на деле и растущее *другое правительство*: Совет рабочих и солдатских Депутатов“ *).

Но, чтобы „стать властью, — писал в той же статье В. И. Ленин, — сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти...“

Двоевластие — лишь временное состояние борющихся сил. „Не подлежит ни малейшему сомнению, — писал В. И. Ленин в своей статье „Задачи пролетариата в нашей революции“, — что долго продержаться

*) *Н. Ленин (В. И. Ульянов).* Собрание сочинений, т. XIV, часть I, стр. 25 — 26.

такой „переплет“ *не в состоянии*. Двух властей в государстве *быть не может*. Одна из них должна сойти на-нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами, повсюду над устранением и обессилением, сведением нанет Советов рабочих и солдатских депутатов, над созданием единовластия буржуазии...“

Несколько позднее В. И. Ленин выдвинул лозунг решительной борьбы за *единовластие* Советов.

„Вся власть Советам!“—стало практическим требованием рабочих и солдатских масс.

Между тем, буржуазия и соглашатели изыскивали новые формы для двоевластия.

V

Коалиционное министерство и борьба за власть Советов.

После ухода в отставку Милюкова и Гучкова страна очутилась перед министерским кризисом, вся тяжесть разрешения которого пала на слабые плечи соглашателей. Большевики требовали перехода всей власти в руки рабоче-крестьянских Советов, ибо,—

говорили они, — только власть рабочих и крестьян в состоянии прекратить войну и вывести страну на путь закрепления революционных завоеваний.

Меньшевики и эсэры крепко держались за соглашение с буржуазией. Рабочие и солдаты в значительном своем числе находились под соглашательским гипнозом и верили еще в политические таланты меньшевиков и эсэров...

Выдвинутая меньшевиками идея „коалиционного министерства“ была поддержана советским большинством.

Итак, на смену однородного буржуазного правительства явилось коалиционное министерство из капиталистов и социалистов-соглашателей. Но „мирное сотрудничество классов“ не спасло России... Новое коалиционное правительство, в котором большинство принадлежало капиталистам, не больше, чем старое буржуазное правительство, было способно разрешить в интересах трудового народа великие задачи, поставленные революцией...

Война попрежнему затягивалась. Требования рабочих и крестьян встречали организованное противодействие промышленников

и помещиков. Социалисты в министерстве, возможно, искренно хотели вырвать у новой власти кое-какие решения в пользу рабочих и крестьян, но все их попытки в этом направлении были бы обречены на гибель. Капиталисты строго придерживались правила: „ни шагу вперед, ни шагу назад“. В этих железных рамках твердой капиталистической воли вертелись, как белка в колесе, Скобелевы, Черновы, Церетели и Пешехоновы...

Министры-капиталисты и слышать не хотели о реформах, которые в той или иной мере могли затронуть их карманы. Они решительно отвергали все, что „от лукавого“... И этим подрывали политическое значение коалиции. Деятельность коалиционного министерства начала постепенно вытеснять из рабочих и крестьянских голов соглашательские иллюзии.

Рабочим и крестьянам стало ясно, что от капиталистов и помещиков им нечего ждать добра. Необходимо им самим позаботиться о своих интересах. Знаменитая июньская манифестация в Петрограде против правительственной политики на фронтах показала,

что начался великий отход рабочих и крестьян от соглашательства. Полумиллионная рабочая и солдатская масса 18 июня 1917 г. вышла на улицу с лозунгами, которые не могли порадовать ни буржуазию, ни соглашателей.

Над Петроградом в этот день реяли красные знамена, на которых в подавляющем большинстве красовались большевистские лозунги: „Долой контр-революцию!“, „Долой союзных империалистов!“, „Долой капиталистов-локаутчиков“, „Вся власть Советам!“, „Немедленное опубликование тайных договоров!“, „Против политики наступления!“. Демонстрация 18 июня носила резко выраженный классовый характер и свидетельствовала о растущем влиянии в массах революционно-интернационального большевизма.

Затеянное 18 июня наступление закончилось крахом. Провал военной авантюры был поворотным пунктом в развитии революции.

Рабочие и солдатские массы, порвав с соглашательством, решительно и бесповоротно стали на путь борьбы за власть Советов. 3 июля отдельные части петроградского гарнизона выступили с оружием в руках против власти капиталистов и соглашателей.

Их поддержали рабочие.

Но восстание в тот же день было подавлено.

Буржуазия ликовала.

Началась полоса жестоких репрессий. Большевистские вожди частью были арестованы и брошены в республиканские тюрьмы, частью перешли на нелегальное положение. Редакция и типография большевистской газеты „Правда" были разгромлены. В Петрограде, после июльских дней, установилась диктатура юнкеров и контр-разведки. Но напрасно ликовала и свирепствовала буржуазия.

Подавление июльского восстания еще больше спаяло революцинные силы рабочих и солдат. Революция крепла и развивалась. Соглашатели лишились опоры в массах и повисли в воздухе. Корниловский мятеж, подготовленный буржуазией с целью восстановления единства и полноты буржуазной власти, еще более спаял рабочих и солдат. Дружными усилиями революционных масс восстание генералов и буржуазии было быстро ликвидировано. На арену революции снова выступила боевая сила пролетариев, сознавших классовые цели революции.

„Власть Советам!“, „Мир и свобода!“ — вот лозунги, под знаком которых шли рабочие, солдаты и крестьяне под красные знамена большевиков.

После подавления Корниловского мятежа, страна пережила вновь министерский кризис. Из коалиционного министерства „ушли“ министры-кадеты, причастные к Корниловскому восстанию. Создалось новое коалиционное министерство... „министерство спасения революции“. Но деятельность этого министерства, как и предательская работа за спиной демократии Керенского и Церетели, не могла уже спасти ни буржуазию, ни соглашателей. Почти во всех рабочих и солдатских Советах большинство принадлежало теперь большевикам. С заводов и фабрик, а также от воинских частей неслись резолюции протеста против деятельности „правительства гражданской войны и контр-революции“.

Рабочие и солдаты клялись твердо стоять в рядах революции и бороться за „власть Советов“, ибо „власть эта, — говорили рабочие и солдаты, — не только спасет революционную Россию, но и сможет призвать все

народы мира к братству и низвержению угнетателей“.

Боевое революционное настроение перебросилось и в провинцию. Борьба за власть Советов стала неотложной задачей дня.

Над Россией царил уже грозный призрак Октябрьской революции. Рабочие и солдаты, свергнувшие в марте царя, готовились к свержению капиталистов и помещиков...

СОДЕРЖАНИЕ.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц.И.К.

Цена 25 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10-07.

Москва, Кузнецкий мост, д. 5|15, пом. 15, подъезд 6.
Телефоны: 3-01-99 и 3-17-55.